

ГОД ИЗДАНИЯ XXI

ПРОЛЕТАРНИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КРАСНЫЙ СЕВЕР

ОРГАН ВОЛОГОДСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО КОМИТЕТОВ ВКП(б)
И ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

№ 23 (5652)

ПОНЕДЕЛЬНИК, 29 ЯНВАРЯ 1940 ГОДА

ЦЕНА 10 КОП.

А. П. ЧЕХОВ

★ К 80-летию со дня рождения ★

Родился Антон Павлович Чехов в Таганроге в 1860 году 29 января, в семье мелкого торговца. Отец его, Павел Егорович Чехов, был человек строгий и даже суровый, требовавший беспрекословного повиновения своей воле и своим взглядам.

О Таганроге, в котором протекали безрадостное детство и ранняя юность Антона Павловича, он писал: «Не люблю таганрогских вкусов, не выпущу и, кажется, бежал бы от них за тридевять земель». «Как грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен Таганрог! Нет ни одной грамотной вывески и есть даже «Транспир Раса». Улицы пустынные... облупившаяся штукатурка, всеобщая лень, умение довольствоваться грошами и неопределенным будущим».

Эта мрачная таганрогская действительность, деспотизм в семье, обывательщина не могли не сказаться на характере творчества писателя.

Свой писательский путь Чехов начал с коротких рассказов, печатавшихся в юмористических журналах. Это были забавные, казалось, ни на что не претендующие рассказы. Но чем ближе подходил он к поре своей творческой зрелости, чем ярче расцветал его талант,

тем правдивей, тем обличительней становилось его творчество.

Время было беспроектное. Самодержавие после подавления в стране освободительного движения казалось сильным, как никогда, самодуры-помещики и капиталисты глушили всякую живую мысль, свирепствовала цензура.

И вот в своих рассказах Чехов показывает эту темную эпоху, бичует мешанину чинопочивший мир «России, страны казенной».

Вспомните только изображение Беликова: «Даже в очень хорошую погоду, выходя в калошах и с зонтиком и непременно в толстом пальто на вате. И зонтик у него был в чехле, и часы в чехле из серой замши, и, когда вынимал перочинный нож, чтобы очинить карандаш, то и нож у него был в чехольчике; и анчо, казалось, было в чехле, так как он все время прятал его в поднятый воротник. Он носил темные очки, фуфайку, уши закладывал ватой и, когда садился на извозчика, то приказывал поднимать верх».

Страшный образ! Чехов, усиливая впечатление, даже оспалье, в которой умер Беликов, сказал: «Сильнее у Беликова была маленькая, точно ящик, кровать была с пологом».

Человек в футляре держал в страхе весь город, в в городе боялись устраивать любительские спектакли, боялись читать книги, боялись делать добро! «Как бы чего не вышло!»

О том, какой сильной была чеховская критика современной ему русской действительности и какое действие оказыва-

ла она на передовых читателей, свидетельствует следующий факт: Владимир Ильич Ленин, прочитав чеховскую «Палату № 6», говорил, по словам Ульяновой-Елизаровой: «Богда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо так жутко, я не мог остаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно я заперт в палате № 6».

К красоте жизни, к ее радостям Чехов был не менее чужд и восприимчив, чем к ее темным сторонам. Эту черту его творчества замечательно верно уловил Горький, утверждавший, что «каждый новый рассказ Чехова все усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту—ноту бодрости и любви к жизни».

К началу 90-х годов Чехов становится крупнейшим русским писателем. Появление таких произведений, как «Скучная история», «Палата № 6», «Учитель словесности», «Моя жизнь», «Мужики», «Человек в футляре», «Душечка», «В овраге», «Невеста» и другие, являлось крупными литературными событиями. Вокруг имени Чехова закипают горячие литературные споры, его произведения начинают переводить на иностранные языки, его пьесы в постановке Московского Художественного театра—«Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад»—совершают настоящий переворот в театральном искусстве.

Определенной становится и этому времени взгляды Чехова на жизнь.

«Нашишете-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лапочкой, пошел, глумился и

студент. Воспитанный на чинопочитании, ценованием поповских рук, поклонами чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обеды у богатых родственников, ащемеривший и богу и людям без всякой жалости, только из сознания своего ничтожества, — напишите, как этот молодой человек выдвигает из себя по калашу раба и, как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая, человеческая».

Так писал Антон Павлович в письме к приятелю в 1889 году, когда ему исполнилось 29 лет, т. е. в то время, как он уже завоевал славу одного из крупнейших писателей.

В большой дружбе Чехов был с А. М. Горьким.

«Дальше зас никак не может идти по сей стезе,—пишет ему Алексей Максимович,—никто не может писать так просто о таких простых вещах, как вы это умеете. После самого незначительного вашего рассказа—все кажется грубым, написанным не пером, а точно поленом. И—главное—все кажется не простым, т. е. не правдивым».

Такие рассказы Чехова, как «Дама с собачкой», Горький называет «изящно ограниченными флаконами со всеми запахами жизни в них».

Как стилист, Чехов непостижим, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык

этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов... Чехов, как стилист, единственный из художников нашего времени, в высокой степени усвоивший искусство писать так, «чтобы словам было тесно, мыслям—просторно», — так исчерпывающе верно раскрывал Горький значение Чехова, так высоко расценивал Горький стиль и форму чеховских произведений, чистоту и совершенство их.

— Учиться у Чехова, вот писателю, у которого нет лишнего слова,—советовал Горький.—Говорите кратко, просто, как Чехов... и вы добьетесь жалаемого впечатления.

В своих советах начинающим писателям Алексей Максимович неустанно повторял о необходимости изучать Чехова, учиться у него точности и красоте языка, уметь видеть действительность.

«Чехов—истинный художник, его можно перечитывать несколько раз», «Чехов—это Пушкин в прозе»,—говорил Л. Н. Толстой. Чехов, по словам Льва Николаевича, брал из жизни то, что видел, и если «брал что-нибудь, то передавал удивительно образно и по-настоящему до последних черточек. Главное, он был постоянно искренен, а это великое достоинство писателя, и благодаря своей искренности Чехов создал новые, совершенно новые для сего мира формы писания, которых я, утверждаю Толстой,—не встречал нигде».

Русский народ любит и чтит Чехова. Его произведения близки нам и сейчас своей верой в правду, своим бичующим, страстным проречием к моществу и тупости. Пережитки эксплуататорского

строю живучи в человеческом сознании, и сатирические образы Чехова, как сатирические образы Грибоедова, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, обладают такой огромной силой художественного обобщения, что до сих пор они являются острым оружием в борьбе с этими пережитками.

Чехов верил, что его суровая родина, о которой он писал так страстно и живо, так правдиво и мужественно, будет свободной, счастливой, радостной, что от всех горестей, в которых живут «чеховские» острящие пошляки, карьеристы, полкавики, сакодовольные собственники, трусливые рабы, запертые в прочных футлярах, «не останется камня на камне,—все полетит вверх дном, все наместится, точно по волшебству. И будут тогда здесь громадные, великодушные дома, чудесные сады, фонтаны, необыкновенные, замечательные люди»...

— Мы посадим новый чудесный вишневый сад,—говорила юная Аня в «Вишневом саду».—Вся Россия станет нашим вишневым садом.

Шестая часть мира—молодой цветущий сад. Шумит и растет этот сад, и, кажется, вместе с нами дышит его ароматом великий художник Чехов, который знал, что, «как ни велико зло, все же в мире правда есть и будет и все на земле только ждет, чтобы слиться с правдой, как лунный свет сливается с ночью».